



25. *Levelt W.* Speaking. Cambridge, MA, 1989.
26. *Papafragou A., Hulbert J., Trueswell J. C.* Does language guide event perception? Evidence from eye movements // *Cognition* 108. 2008. P. 155–184.
27. *Papafragou A.* The Representation of Events in Language and Cognition. URL: http://papafragou.psych.udel.edu/papers/Events_MIT%20Press.pdf (дата обращения: 17.03.2017).
28. *Schmid H.* Entrenchment, salience and basic levels // *Oxford handbook of cognitive linguistics*, edited by Dirk Geeraerts and Hubert Cuycckens. Oxford, 2007. P. 117–139.
29. *Talmy L.* Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms // *Grammatical Categories and the Lexicon* / ed. T. Shopen. Vol. 3. Cambridge, 1985. P. 57–149.
30. *Talmy L.* Typology and Process in Concept Structuring. Vol. 2: Toward a Cognitive Semantics. Cambridge, MA, 2000.
31. *Tuggy D.* Schematicity // *Oxford handbook of cognitive linguistics* / eds. by D. Geeraerts, H. Cuycckens. Oxford, 2007. P. 82–117.
32. *Ungerer F., Schmid H.-J.* An Introduction to Cognitive Linguistics. Vol. 1. Longman, 1997.
33. *Sociology Guide* : [сайт]. URL: www.sociologyguide.com (дата обращения: 02.05.2017).
34. *Foster P.* Film star faces lawsuit after 'marrying' a tree // *The Telegraph*. 2007. 01 feb. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/1541309/Film-star-faces-lawsuit-after-marrying-a-tree.html> (дата обращения: 15.02.2017).

Об авторе

Елена Леонидовна Боярская – канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: EBoyarskaya@kantiana.ru

About the author

Dr Elena Boyarskaya, associate professor, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: EBoyarskaya@kantiana.ru

УДК 398.23; 811.161.1; 13

Г. И. Берестнев, А. А. Цветкова

ЧЕРНЫЙ ЮМОР КАК СПОСОБ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ*

Черный юмор характеризуется как существенный аспект философского дискурса; вскрываются темы мрачного философствования, среди которых отмечаются жизнь, смерть, сущность человека, социальные взаимодействия, одиночество. Показывается, что осмысление этих тем в контексте черного юмора окрашено пессимизмом.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ – грант № 16-04-00034 «Язык и познавательные эффекты “черного юмора”».



Wry humor is viewed as an essential aspect of philosophical discourse. The authors analyze gloomy philosophical motives including life, death, human existence, social interactions, loneliness. The article shows that comprehending these issues through the wry humor acquires pessimistic connotation.

Ключевые слова: пессимизм, черный юмор, мировидение, концепты, человек, семиотика, креолизованные тексты, вербальные тексты.

Key words: pessimism, wry humor, mindset, concepts, human, semiotics, creolized texts, verbal texts.

Особенность проблемы черного юмора составляет то, что она рассматривается в нескольких достаточно далеких друг от друга направлениях. Прежде всего, исследователи хотят понять, чем определяется черный юмор как таковой, на что обращены шутки, оцениваемые как «мрачные». Высказываемые в этом плане мнения неоднозначны. Так, бостонский «Словарь мировых литературных терминов» определяет черный юмор как «юмор, обнаруживающий предмет своей забавы в опрокидывании моральных ценностей, вызывающих мрачную усмешку» (цит. по: [7, с. 210]). В этом случае объект черного юмора связывается с культурным сознанием человека и определяется в сфере его морали. Другие исследователи видят в юморе такого рода выражение глубинных психологических установок человека и рассматривают его как «тенденцию к некрофильскому восприятию мира, неясному для самого человека тяготению к смерти, ощущению ее желательности и необходимости» [2]. Объектом в этом случае определяется якобы существующая установка на деструкцию в человеческой психике, а сам такой юмор рассматривается как своеобразное «оружие», позволяющее эту тенденцию преодолеть¹. Третья группа исследователей объектом и глубинным началом черного юмора полагает вполне определенный страх смерти и всего того, что в сознании человека со смертью связано: насилия, болезней, стихийных бедствий, опасностей, разного рода травм, уродств, больниц, моргов, кладбищ, покойников и т.п. Этот страх также имеет глубокие психологические основания и возникает как реакция человека на возможность собственного небытия. Как отметил В. Кебуладзе, «прикованность внимания черного шутника к теме смерти мотивирована фундаментальным экзистенциалом человеческого бытия, а именно страхом перед смертью» [5, с. 71].

¹ В своих рассуждениях В.И. Жельвис исходит из предложенной Э. Фроммом концепции о существовании двух диаметрально противоположных психических типах человека — созидательного «биофильского» и разрушительного «некрофильского». Тем не менее основания черного юмора исследователь видит также в сфере общественного сознания. «Но вот что особенно поразительно, — пишет он в этой связи, — черный юмор — оружие мирного времени. Когда общество ещё сравнительно здорово, оно может позволить себе мрачно подшучивать над своим плачевным состоянием. И наоборот: если мы часто слышим вокруг мрачные шутки, значит, дела еще не так плохи. А вот когда смолкает и мрачный юмор, занимается заря Судного Дня» [2].



Второй важный вектор рассмотрения черного юмора – его функциональные свойства. Здесь также нет единого мнения. Одни исследователи полагают, что он способствует освобождению человеческой психики от скрытой агрессии и тем самым выполняет регулирующую функцию в обществе. Ср.: «юмор выполняет важнейшую функцию – он позволяет “выводить” агрессию в социально приемлемой форме. Если бы мы не смеялись друг над другом, то давно бы уже “лопнули от злости” либо превратили этот мир в сплошной театр военных действий» [4]. Другие определяют черный юмор как компенсаторный механизм, благодаря которому в психике человека нейтрализуются некрофильские установки и тем самым хоть как-то утверждаются биофильские начала. «Черный юмор – это лучик света, отразившийся от черноты адского зазеркалья. Это хрупкая надежда биофила, которая, как мы знаем, умирает последней. Надежда тем более слабая, что в попытке сохранить ее утопающий биофил хватается за протянутую руку некрофила» [2].

Функции черного юмора рассматриваются и в более узких дисциплинарных рамках. Так, в русле неклассического психоанализа он определяется как специфический защитный механизм личности, помогающий справиться со страхом будущего и тех неприятностей, которые это будущее приносит. Главная такая неприятность – смерть. Поэтому, пользуясь выражением Кьеркегора, черный юмор является или претендует на то, чтобы быть лекарством от «болезни к смерти» [5, с. 71].

Третий перспективный вектор рассмотрения черного юмора – его кодовая природа и коммуникативная организация. Так, с одной стороны, отмечаются в е р б а л ь н ы е мрачные шутки, адресованные всем. В роли адресата парадоксальным образом выступает и сам их автор, как бы присоединяющийся к слушателям.

С другой стороны, возможен и а к ц и о н а л ь н ы й черный юмор, когда в группе для шутки выбирается одна «жертва», по отношению к ней п р е д н а м е р е н н о создаются условия, составляющие для нее мрачную проблему, – пугающие, вызывающие неудобство, внешне угрожающие жизни и здоровью и т.п. И все развлекаются, наблюдая реакцию «жертвы» на подобные проблемные условия. Таковы, например, ставшие традиционными в школьной субкультуре подкладывание кому-либо канцелярских кнопок, натирание классной доски или дневника парафином, замена целого стула на поломанный, похищение портфеля.

Разновидность подобных форм черного юмора составляет наблюдение (и фиксация) проблемы, в которую какой-либо человек попадает с л у ч а й н о . Так, он может споткнуться, поскользнуться, неловко повернуться, упасть в лужу или грязь, удариться обо что-либо и т.п. Однако по сути это все те же, но спонтанно складывающиеся отношения «жертвы» и тех, кто наблюдает за ее реакцией на мрачную проблему.

Можно заметить, что во всех подобных обстоятельствах имеется в виду вообще внешняя сторона черного юмора. В первых случаях это его непосредственные объекты и тематические доминанты. Во вторых –



психологические эффекты, порождаемые проявлениями черного юмора. В случаях третьего рода это его кодовая природа и коммуникативная организация.

Однако значительный интерес в отношении черного юмора вызывают и его внутренние, идейные основания. В частности, важно выявить мирозерцательные установки, которые утверждаются в мрачной шутке, сопровождающие соответствующие эмоции, возможные культурные аналогии, смысловые доминанты. Одновременно необходимо осмыслить черный юмор с точки зрения его кодовых особенностей — как способ философствования, направленного на окружающую человека реальность.

16

Итак, какие же наиболее яркие сущностные черты отличают философский черный юмор в настоящее время? Прежде всего, должно быть отмечено, что преимущественная принадлежность проявлений такого юмора сетевой культуре, с одной стороны, делает выражаемую в них идеологию стихийной, но с другой — обосновывает их искренность и истинность для человека. Философствуя посредством мрачной шутки, человек честно размышляет о мире наедине с собой, но эти размышления быстро становятся всеобщим достоянием. Они стремительно распространяются в сетевом пространстве, теряя авторское начало и обретая свойство фольклорной всеобщности. Поэтому сетевой черный юмор близок фольклору, и ему вполне можно доверять в плане выражаемой в нем идеологии.

Вторая общая особенность философского черного юмора состоит в том, что он ориентирован на саму жизнь и по сути представляет собой психологическую реакцию человека на ее обстоятельства. Речь в случаях такого рода может идти о жизненных трудностях, о смысле жизни и ее бессмысленности, о смерти, о глубинной негативной природе человека, о друзьях, о взаимоотношении полов, о соотношении детской и взрослой жизни, о счастье и несчастье и т. д. Можно было бы говорить, что в подобном черном юморе выражается философия жизни и человека в ней. Показательно при этом, что такая философия практически всегда окрашена в пессимистические тона. Жизнь человека бессмысленна и бесцельна, человек тотально одинок, а его близкие оказываются для него врагами, примитивные физиологические потребности становятся для человека важнее всех достижений научно-технического прогресса, страдания и смерть составляют неизбежную перспективу человеческого бытия.

Рассмотрим далее, какие идейные особенности отличают философию жизни и философию человека в черном юморе.

Жизненный пессимизм. Как уже отмечалось выше, человек, принадлежащий к современной русской лингвокультурной традиции, оценивает жизнь пессимистически (по крайней мере, относится к ней иронично). Пессимизм вызывают практически все ее стороны — наличие смысла, жизненные перспективы, возможность обретения жизненного опыта, агрессивность жизни по отношению к человеку, фатальность человеческого бытия и т. д. При этом подобный пессимистический



взгляд на жизнь облекается в юмористические формы, которые задаются парадоксальностью концептуальных построений или стилиевой несочлестимостью слов в предложениях, — ср.:

- Поиск смысла жизни ведет к расстройству психики.
- Не нужно учиться на чужих ошибках. Халява до добра не доводит!!!
- Жизнь легкая, сынок. Это просто, как ездить на велосипеде, который горит. И ты горшишь. И все горит. И ты в аду.
- Работай и копи на гроб.
- Жизнь уходит на то, чтобы на нее зарабатывать. Круг замкнулся.

В этом философствовании представляются и наблюдения над жизнью более частного порядка, но столь же пессимистичные по своей сути. Ср.:

- Все сбудетсЯ, стоит только расхотеть.
- Все хорошо, пока не знаешь правды (надпись на стене).
- Свобода не в том, чтобы делать то, что хочешь, а в том, чтобы не делать того, чего не хочешь (надпись на стене).
- Главное, чтобы оно того стоило (надпись на стене).

Первый пример переключается с известной формулой *Все сбудетсЯ, стоит только з а х о т е т ь*, выражающей веру в созидательную силу человеческой воли. Однако в данном случае выражается диаметрально противоположная мысль: жизнь устроена так, что все желаемое человеком сбывается, но только когда ему это уже не нужно. Во втором примере также выражена негативная оценка жизни, которая связывается уже с вопросом об истинном знании человека о ней. Эта установка поновому (и, по всей видимости, независимо) воспроизводит библейское отношение к знанию, которое определяется как тяжкое бремя для человека, — ср.:

*Так предам же я сердце тому, чтобы мудрость познать,
Но познать и безумье и глупость, —
Я узнал, что и это — пустое томление,
Ибо от многот мудрости много скорби,
И умножающий знание умножает печаль [Еккл.].*

И я пошел к Ангелу, и сказал ему: дай мне книжку. Он сказал мне: возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка, как мед.

И взял я книжку из руки Ангела, и съел ее; и она в устах моих была сладка, как мед; когда же съел ее, то горько стало во чреве моем [Откр. 10: 9—10].

Третий пример содержит глубокое осмысление жизненной свободы человека, основу которой составляет не стихийность и произвол, а наоборот — глубокая продуманность собственных поступков и самодисциплина. При этом юмористический характер данного выражения обусловлен его синтаксической «сложностью», лежащей на грани игры с адресатом.

Четвертый пример также является игровым по своей природе — он активно переключается с жизнеутверждающей формулой *Оно того сто-*



ит/стоило, посредством которой объясняется оправданность и позитивность некоторой жертвы, называемой местоимением *оно*. Однако в данном случае именно эта оправданность ставится под сомнение, а предполагаемый перевод устойчивого выражения в разряд свободных наделяет это местоимение семантикой 'вся жизнь человека'.

Отмеченный пессимизм философского черного юмора в русской лингвокультурной традиции и сам по себе становится объектом философской рефлексии. Это иллюстрирует следующий пример: *Быть пессимистом потрясающе. Я или прав, или приятно удивлен*. Здесь неожиданно представляется положительная оценка жизненного пессимизма и дается ее логическое обоснование. С одной стороны, положительную реакцию вызывает утверждение субъекта в негативности жизни и истинности собственной пессимистической позиции. С другой — такую же реакцию вызывает ошибка субъекта и его столкновение с положительными обстоятельствами жизни. Аналогичным образом положительная оценка, берущая начало в эмоциональной сфере человека, выражается в следующем примере: *Алкоголь для слабаков. Сильные наслаждаются депрессией*. Юмористичность этого текста определяется его неожиданной оценочной инверсией: алкоголь, традиционно оцениваемый в обществе положительно, здесь имеет негативную оценку, которая получает особое обоснование, в то время как депрессия оценивается в высшей степени положительно с точки зрения психологического состояния человека.

Жизнь и смерть. Самая главная и неизбежная «неприятность» человеческой жизни — смерть. Естественно поэтому, что она также составляет объект рефлексии в философском черном юморе, причем по метонимическому принципу наряду с ней объектами выступают предсмертные состояния, кладбища, посмертная жизнь человека, умершие и т. д. Юмористическое начало во всех случаях такого рода проявляется в парадоксе: жизнеутверждающая ирония в адрес смерти сочетается с иронией в адрес жизни. Таким образом, рефлексирующее сознание в философском черном юморе оказывается одновременно по ту сторону и жизни, и смерти. Ср.:

- — Как называется место на кладбище, где сидит сторож?
 - Живой уголок.
 - — Как жизнь?
 - Сокращается.
 - Грустно, но вкусно. Поможет организовать и провести поминальные обеды.
- Кафе на ул. Русанова, 8 (объявление).
- Бесплатный Wi-Fi появится на трех кладбищах Москвы (из объявления).
 - У мудреца спросили:
 - Как называется баба, которая всегда знает, где ее мужик?
 - Вдова, — ответил мудрец.

Особое проявление юмора такого рода составляют некоторые надписи на надгробных плитах. Внешне они представляют собой как бы формы коммуникации живых и мертвых, причем в одних случаях живые обращаются к мертвому, в других, наоборот, мертвый к живым. Та-



кова, например, надпись: *Всем чмоки. Встретимся.* Ее юмористический характер определяется коннотативной парадоксальностью: с одной стороны, ее «адресант» (судя по первой реплике, это женщина) выражает положительные эмоции в адрес всех оставшихся в «этом» мире, с другой — с этими же положительными эмоциями обещает всем смерть и встречу.

Человек. Образ человека в философском черном юморе также окрашен в пессимистические тона. Этот пессимизм является почти абсолютным и распространяется на все сущностные стороны человека — его внутренний мир, черты характера, психологические состояния, отношение к социальным взаимодействиям, жизненные позиции активности, отношение ко времени и собственному возрасту и т. д.

Важно отметить, что философский взгляд на человека с позиций черного юмора предполагает две точки зрения. Во-первых, это внешний, объективный взгляд, при котором человек оценивается «со стороны», а определяющийся внешний наблюдатель берет на себя право выносить все вердикты, отстраняясь от общих человеческих качеств. Во-вторых, это внутренний, субъективный взгляд, при котором характеристики человека оцениваются говорящим «изнутри» и связываются с его личным опытом. Внешний признак такой позиции — наличие в тексте личных и притяжательных местоимений *я, мы, мой, наш.*

При ориентации на «внутреннего человека» философский черный юмор нацелен, в частности, на такие важные его стороны, как разумность и в целом интеллект, нравственное чувство, черты характера, жизненный оптимизм, состояние счастья. Негативный философский комментарий дается в связи с этим и человеку вообще. Ср.:

- *Смерть забирает лучших. Значит, мне еще жить и жить.*
- *В последнее время мы стали ближе к природе — совсем озверели.*
- *Как прекрасен мир, в котором нет людей!*
- *Каждый день вижу столько бесполезных людей! А ведь они могли бы стать чьими-то органами.*

Пессимистическому осмыслению подвергается и собственно человеческий разум. Главная проблема, которая видится в этом плане в первую очередь, — его отсутствие у большинства людей. Юмористическое начало в случаях такого рода выражается посредством концептуального контраста или иронии в адрес человеческой глупости.

- *Земля покрыта на 70 % водой. Остальные 30 % покрыты идиотами.*
- *Есть такие люди, к которым хочется подойти, взглянуть в глаза, обнять за плечи и ласково спросить: «Как же ты живешь без мозгов-то?»*

Вместе с тем возможны и позиции, предполагающие, что разумность и высокий интеллект, которые в обычной жизни рассматриваются в общем как достоинства, с такой философской точки зрения открывают себя как недостатки или, по крайней мере, слабости. При этом ум



как недостаток человека оценивается гораздо более мягко, нежели его отсутствие. Все-таки лучше быть умным, чем глупым, хотя и то и другое — человеческие недостатки. Ср.:

- Поздно быть нормальным.
- Сдал тест на IQ. Слава Богу, результат отрицательный.
- Случается, что человек гораздо умнее, чем это ему нужно для счастья.

В первом примере концепт «нормальности», прагматически связываемый обычно с разумным поведением в жизни, благодаря слову *поздно* выводится в план темпоральности. Таким образом, в данном случае ненормальность-неразумность рассматривается как «болезнь молодости» и вызывает снисхождение. Во втором примере низкий IQ прямо рассматривается положительно: высокий интеллект составляет для человека бремя. Третий пример интересен тем, что в нем принципиально важную роль играет импликация, вскрывающая его глубинные философские смыслы. Они таковы: «быть счастливым человеку мешает ум», «основания счастья лежат в эмоциональной сфере», «думающий человек не может быть счастливым», «думающий человек — это, в общем, явление нечастое (*Случается, что...*)», «человек — существо эмоциональное».

В рамках «внутреннего человека» пессимистически оцениваются также его эмоциональная сфера и нравственное начало. В частности, внешне провозглашается отказ от негативных эмоций, но только с тем, чтобы еще более эффективно осуществлять деструктивные действия, — ср.: *Гнев плохой советчик. Поэтому успокойтесь, уменьшите темп дыхания, медленно досчитайте до десяти и стреляйте.* Юмористический эффект в этом случае определяется парадоксальным объединением в одном контексте позитивной установки на отказ от гнева и негативной цели, на которую она направлена.

Пессимизм в отношении человеческой нравственности выражается достаточно прямо, причем для этого могут использоваться характерные сравнения. Такова, например, надпись на мусорном баке *Чище тебя, человек.* Черный юмор здесь состоит в самом сравнении мусорного бака и человека в его нравственности. С одной стороны, человек в этом случае мыслится метафорически как вместилище, подобное мусорному баку². С другой стороны, метафорически соотносятся и содержимые этих вместилищ — их одинаково наполняют всякие «нечистоты».

Эта идея расходится с новозаветной идеологией, связывающей человеческую безнравственность с первородным грехом Адама и Евы, но

² Здесь обращает на себя внимание следующее любопытное обстоятельство. В онтологической метафоре *вместилища* представление о человеке, который мыслится исходно как ограниченный внешней поверхностью тела «контейнер», составило основу (стало областью-источником) для возникновения дальнейшей ориентации типа «внутри — вне». Однако в приведенном примере представление о человеке как вместилище, наоборот, составляет область-цель, а областью-источником выступает внешнее представление о мусорном баке.



считающей, что достоинство человека частично восстановлено его исходным богоподобием и, в еще большей мере, — искупительной жертвой Христа. Однако в данном случае более значимыми оказываются ветхозаветные заповеди и обиходные представления о слабости человека в их соблюдении. Еще ближе этой концепции исламская традиция, которая в представлении о человеке сосредоточена по преимуществу на его нравственном несовершенстве. Ср.: «Человек сам по себе, вне послушания и покорности Богу, — ничто, он ничтожен, непостоянен, слаб. Эта тема часто звучит в Коране. Например, "истинно, человек сотворен малодушным, колеблющимся" (Коран. 70: 19), "человек враждебен", "неблагодарен" (Коран. 36: 77; 17: 67)» [3].

Тотальный в целом пессимизм в философском черном юморе все-таки предполагает внимание и к возможным проявлениям оптимизма, который имеет две разновидности — может быть фальшивым и истинным, — и каждая из них оказывается объектом для шутки. При этом фальшивый оптимизм подвергается мрачному осмеянию как таковой, в силу несоответствия жизненным реалиям, в то время как истинный оптимизм определяется как вера в далекий и несбыточный идеал, и эта несбыточность составляет основу черного юмора.

В противоположность фальшивому истинный оптимизм выглядит как провозглашение проблемности жизни и вместе с тем утверждение в ней хоть чего-то хорошего. Структурно вербальные тексты, выражающие идею такого рода, делятся на две части: первая — определение жизненной проблемы, составляющей основание пессимистического взгляда на мир, вторая — указание на обнадеживающие факторы, способные вызвать хоть какой-то оптимизм. Иконически хорошее показывается преобладающим над плохим.

Так, в первом из двух следующих примеров сначала утверждается мысль о поглощенности людей бытовыми проблемами, но затем говорится о тех, кто над этими проблемами сумел подняться и увидеть в жизни что-то высокое и поэтичное. Во втором примере сначала (в первом предложении) говорится о том, что жизнь в целом не является безусловно положительной в своей событийности. Затем (во второй предикативной части) утверждается как бы обратное: хорошее в жизни есть, но оно просматривается в ее отдельных, незначительных событиях.

- *Все мы погрязли в болоте, но некоторые из нас смотрят на звезды.*
- *Каждый день не может быть хорошим. Но есть что-то хорошее в каждом дне.*

Важное место в философском черном юморе занимают саморефлексия философствующего субъекта и осмысление им в себе наиболее ярких личностных констант. Одна из них — пассивность, принципиальная позиция бездействия в жизни, и в основе этого — лень. Общая идейная установка здесь такова: лень — это как будто бы плохо, с ленью надо бороться, но именно она не дает этой борьбе вернуться и даже приносит удовольствие. Разновидность такого состояния пассивности составляет сон, который являет собой самостоя-



тельную и глубоко продуманную жизненную ценность. Юмор в случаях такого рода основывается на противопоставлении все-таки осознаваемого субъектом должного и еще более значимого для него сущего. Ср.:

- Я сильный. Я ответственный. Я волевой. Я уверенный. Я дерзкий. Я еще пять минут полежу и встану. Честно.
- Счастье – это когда не нужно ставить будильник на завтра.
- Если к жизни относиться философски, то вставать с дивана не обязательно.
- Хорошая новость – у меня есть работа. Плохая новость – на нее надо ходить.

Юмористический эффект вербальных построений подобного рода может быть связан с игровым началом, реализующимся на формальном уровне. Так, в первом из приведенных ниже примеров сначала говорится о продуктивной целевой установке субъекта *Встал пораньше, чтобы побольше всего...* – но затем эта цель по принципу игры указывается с отрицанием – *...не успеть*. Таким путем формулируется следующая неожиданная (но при этом логически верная) философская мысль: субъект очень многое не успевает сделать в течение дня; и если он будет вставать раньше, эта тенденция укрепитя.

Во втором примере первая часть *Засыпаю как убитый* представляет собой устойчивое выражение со значением ‘засыпаю быстро и глубоко’. Вторая же его часть, построенная по модели первой и отличающаяся от нее лишь словом *просыпаюсь* с семантикой векторной противоположности по отношению к соответствующему слову в первой части, задает принципиально иной, не соотносимый с первым смысл ‘просыпаюсь трудно и в крайне плохом самочувствии’.

В третьем примере в игровом соотношении находятся указание на нерешительность и лень как фактор нереализованного личностного потенциала, а затем указывается его область – сфера преступности. Таким путем на юмористической основе выражается следующая вполне серьезная мысль: нерешительность и лень составляют причину абсолютно любой жизненной несостоятельности. Ср.:

- Встал пораньше, чтобы побольше всего не успеть.
- Засыпаю как убитый. Просыпаюсь как убитый.
- Из-за своей нерешительности и лени я так и не стал киллером.

Время и возраст человека. В философском черном юморе время мыслится в неразрывной связи с человеком. В частности, представления о темпоральности задаются жизнью человека и собственно его возрастом³. Конкретные ориентиры в подобном антропоцентрическом времени составляют человеческие поступки и связанные с ними события – каждому времени свои поступки и события. Смех в этих условиях вы-

³ Примечательно, что эта семантическая динамическая модель находит отражение также в парадигме значений слова *век* – ‘срок жизни человека или годности предмета; продолжение земного бытия’, ‘продолжительная пора; время чего-либо’ [9, с. 292], др.-рус. **вѣкъ** ‘жизнь’, ‘тысячелетие’, ‘время’, ‘вечность’; еще более отчетливо она проступает при рассмотрении этимологических соответствий этого слова в других славянских языках – ср.: словен. *vek*, словац. *vek* ‘возраст’, ст.-сл. **вѣкъ** ‘жизнь’, ‘время’, ‘вечность’ [6, с. 138–139].



зывает несоответствие темпоральных событийных ориентиров общим этапам жизни человека. Говоря более определенно, мрачными считаются шутки относительно рассогласованности поведения человека и его возраста — обычно это детское поведение взрослого. Ср.:

- *Мне уже скоро 30 лет. А я до сих пор не знаю, кем хочу быть, когда вырасту.*
- *Мама, смотри, мне бегемотик в киндере попался. Мама... мама... Почему ты плачешь? Мама, я скоро найду работу и съеду. Честное слово! Ну мааааа...*

Характерно при этом, что в философском черном юморе пессимистически оценивается и время как таковое, и сам возраст человека, и собственно его молодость, которая в обыденном сознании связывается с глупостью, но которая вместе с тем имеет и важное достоинство — она извиняет неразумность человека. Ср.:

- *Я в том возрасте, когда уже можно начинать говорить: «Я уже не в том возрасте».*
- *Время летит так, что не успеваю к возрасту привыкнуть.*
- *Молодость дается один раз, потом для глупостей нужно искать другие оправдания.*

Молодость — с точки зрения философского черного юмора — имеет и еще одну черту, которая не может восприниматься оптимистически. Ср.: *Бабочки в животе со временем превращаются в опарышей* (с обобщающим комментарием: *Всему свое время*). Идея этого афоризма такова: молодость рождает светлые иллюзии, которые со временем развенчиваются и превращаются в горькие разочарования. Эта ситуация воспринимается с пониманием, но именно в нем проявляется обреченность: поводы для счастья в молодости со временем оборачиваются негативными сторонами.

Социальные взаимодействия и одиночество. Обязательный объект внимания в философском черном юморе составляет мир взаимодействий между людьми. Взгляд на него также исполнен горького разочарования. Люди в этом мире относятся друг к другу враждебно, в любой момент готовы сделать подлость, потому что соперничают друг с другом. В этом мире отсутствуют позитивные межличностные связи, а те, что все-таки возникают, быстро рвутся. По сути, в нем все оказываются против всех. Оправдывается старая истина: *Ното homini lupus est*.

Особую актуальность в данных условиях обретают три дополнительных концепта — «недоверие», «враги» и «одиночество». В связи с первым концептом все проявления позитивности во взаимоотношениях между людьми рассматриваются как лицемерные и не заслуживающие доверия, а все проявления дружественности составляют повод для настороженности и подозрительности.

В целом складывается следующая пессимистическая по своему характеру идейная установка: люди относятся друг к другу одинаково враждебно, но прячут эту враждебность под маской приветливости и дружелюбия.

Концепт «враг» в философском черном юморе метонимически связан с концептами «недоверие», а на уровне словообразовательных связей в языке — со словом *вражда*. Однако содержание этого концепта оп-



ределяется собственной мирозерцательной логикой. Прежде всего, «враг» — это тот, кто проявляет злонамеренность, каким-либо образом вредит. Обычно такой вред проявляется в деловой сфере как противодействие успеху — ср.: *Успех — это когда ты не оправдал надежд врагов.* В обыденной жизни такой вред проявляется ослабленно и расценивается как каверза или некая «подлянка» — ср.:

- *Никогда не смейся человека, который жует печеньку. Подожди, когда он начнет запивать ее чаем.*
- *Когда Олег увидел, как угоняют машину соседа, он не растерялся. Выбежал на улицу и припарковался на свободное место.*
- *Если рядом с вами извергается вулкан и спастись уже поздно, застыньте в непонятной позе — сломайте мозг археологам.*

Наряду с «врагами» в философском черном юморе рассматриваются по принципу бинарных противопоставлений и «друзья». Данное понятие раскрывается в целом несистемно, а приводимые его определения имеют самые неожиданные, бытовые основания. Этим, собственно, и задается юмористический характер соответствующих текстов, но одновременно ослабляется их «мрачное» начало. Ср.: *Друзья — это те, кто у тебя дома жрут что-то на кухне, а ты еще даже не успел раздеться.*

Отмеченные установки характерны и для определений «настоящих друзей». Их понимание также выводится в бытовую сферу, а «мрачность» проявляется как легкая ирония — ср.:

- *Настоящие друзья — те, к приходу которых не убираешь квартиру.*
- *Настоящий друг всегда тебя поднимет, если ты упадешь... Когда перестанет ржать.*

Однако по отношению к друзьям вообще иногда высказываются и более жесткие суждения, реальное содержание которых может иметь имплицитный характер. Такими содержаниями обычно и определяется их юмористическая направленность. Ср.:

- *Когда мы встречаемся с друзьями, мы становимся теми, от кого мама просила держаться подальше.*
- *Если вы поможете другу в беде, он непременно вспомнит о вас, когда опять попадет в беду.*
- *Дружба — это настолько упоительное, прочное и постоянное чувство, что его можно сохранить на всю жизнь, если только не пытаться просить денег взаймы.*

В первом из приведенных примеров выстраивается такая последовательность содержательных выводов: «мама просила держаться подальше от хулиганов» — «вместе с друзьями мы ведем себя по-хулигански» — «мы с друзьями — хулиганы». Второй пример представляет собой некую идейную инверсию известного положения о том, что друг поддержит в беде: здесь он, наоборот, обратится за помощью, когда сам попадет в беду. В третьем примере позитивному и возвышенному рассуждению о дружбе противопоставляется рутинная правда о том, что ее неизбежно разрушают финансовые обязательства.

В целом складывается если не пессимистичное, то во всяком случае ироничное видение дружбы. Друзья — это скрывающие свое истинное лицо враги или те, кто позволяет безнаказанно делать себе больно —



ср.: Близость к человеку определяется тем, насколько сильно ты можешь над ним издеваться, не получив при этом огромного, как монгольская степь, пенделя. В дружбе один использует другого, ее основания зыбки и сомнительны, как сомнительны и внешние проявления дружеских отношений — Все мы с вами чей-нибудь неадекватный друг. Видимо, в силу понимания всего этого человек со временем не приобретает, а только теряет друзей — ср.:

В 14 лет: у меня очень много друзей!

В 17 лет: у меня есть два лучших друга.

Сейчас: ну в принципе, мне и одному ничего так...

Этот взгляд на друзей, рождающий отчужденность и привычку к одиночеству, поддерживается всеми отмеченными чертами дружеских отношений и особенно неискренностью друзей, их прагматизмом и хитростью в отношении других. Такие друзья занимают самое низкое положение в иерархии тех, с кем философствующий субъект вступает в общение.

Концепт «одиночество» связан с концептами «недоверие» и «враги» метонимическими отношениями во внутриязыковой сфере и отношениями логической зависимости — в сфере внеязыковой действительности. И то и другое в реальной жизни ведет к отчужденности людей друг от друга, а в итоге — к их одиночеству. Однако в философском черном юморе эта тема рассматривается по преимуществу с другой точки зрения. Объектом интереса в этом случае выступают различные проявления одиночества и реакции человека на него. Ср.:

- *В Англии открылся ночной клуб, куда вмещается всего семь человек. Ты можешь прийти туда со своими друзьями, и еще останется шесть свободных мест.*
- *Если тебе где-то не рады в рваных носках, то и в целых туда идти не стоит.*
- *Привязываясь к людям, запоминайте последовательность узлов.*

В первом примере выражается мысль о том, что настоящими друзьями человека являюся лишь его собственные мысли — черты его внутреннего мира. Во втором говорится об одиночестве как реакции человека на неприятие его таким, каков он есть⁴. В третьем примере содержится предостережение: сближаясь с кем-то, нужно быть заранее готовым и к разрыву отношений.

Можно ли уйти от такого одиночества? Философский черный юмор дает ответы и на этот вопрос. Такое возможно при двух условиях. Первое: одиночество человека разрушает внутренняя близость с другими людьми — ср.: *Главное — не терять людей, с которыми у вас в голове тараканы одного вида*. Второе: человек перестает ощущать одиночество, когда в принципе отказывается от социальных связей, особенно в их пози-

⁴ Эта сентенция отчетливо перекликается с известной фразой *Ты полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит* из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, которую писатель позаимствовал у М. С. Щепкина (1788 — 1863). Однако она явно уходит корнями в традиционную русскую культуру — ср. поговорки: *Полюби нас в черненьких, а в беленьких нас и всяк полюбит; Полюби-ка нас вчерне, а вбелето (вкрасне) и всяк полюбит* [1].



тивных проявлениях — ср.: *Когда делаешь другим добро, возникает такое теплое ощущение... А можно просто надеть свитер.* Эти слова содержат предостережение против того, чтобы человек входил в зависимость от проявлений собственного добра и тем самым сближался с другими людьми. При этом *свитер* в данном контексте функционирует как символ отчужденности от других людей.

Говоря о структурных и содержательных особенностях философского черного юмора в русской лингвокультурной традиции, следует отметить, что его ориентация на рациональный в своей основе философский дискурс оказывается столь сильной, что сентенции, подобные рассмотренным, иногда начинают терять свой юмористический характер и становятся уже полностью серьезными. Ср.:

- Почему под здоровым образом жизни понимается отказ от курения и алкоголя, почему про постоянный недосып, жизнь от зарплаты до зарплаты и невроз тактично умалчивают? Это что, типа, очень полезно для здоровья?
- Только когда плывешь против течения, понимаешь, чего стоит свободное мнение.
- Для того чтобы начать меняться, нужно желание, а не понедельники.
- Будущее тревожит нас, а прошлое нас держит. Вот почему настоящее ускользает от нас.
- Чтобы стать умным, достаточно прочитать 10 книг. Но чтобы найти их, нужно прочитать тысячи.
- Как только нахожу ключ от успеха, кто-то меняет все замки.
- Красивая внешность есть у многих, а красивая душа не у каждого.
- Не пытайся убить время. Помни, что оно неизбежно убьет тебя.
- Не важно, чего достигли другие, важно, чего не достиг ты.
- Скука — слишком большая цена за спокойствие.

Возможны и обратные ситуации, когда текст выражает пессимизм по поводу отмеченных тем, исключая при этом даже элементы юмористического или игрового начала. В случаях такого рода пессимистические установки текста становятся еще более значимыми и приобретают характер абсолютных — ср.:

- Ты в этом городе один (надпись на стене).
- Никто не хочет любить в нас обыкновенного человека.
- Жизнь, лишенная свободы, всего лишь разновидность смерти.
- Любовь не дает никаких гарантий.

Подобные «мрачные» философские тексты в сетевой культуре составляют особый исследовательский интерес. Здесь же речь шла о текстах, представляющих философские идеи в аспекте черного юмора. И завершая этот разговор, согласимся, что часто *Жить нужно или с юмором, или с психиатром.*

Список литературы

1. Даль В.И. Пословицы русского народа // Хранители сказок : [сайт]. URL: <http://hobbitaniya.ru/dal/dal141.php> (дата обращения: 21.03.2017).
2. Жельвис В.И. Черный юмор: анатомия человеческой деструктивности // Ярославский педагогический вестник. 1997. №4. URL: http://vestnik.uspu.org/releases/uchenuye_praktikam/4_10/ (дата обращения: 12.04.2016).



3. Журавский А. В. Представления о человеке в Коране и Новом Завете // Азбука веры: [сайт]. URL: <https://azbyka.ru/predstavleniya-o-cheloveke-v-korane-i-v-novom-zavete> (дата обращения: 12.03.2017).

4. Калинин Дм. Черный юмор, черный юмор, что ж ты выешься надо мной // Оракул: [сайт]. URL: <http://www.oracle-today.ru/articles/22232/> (дата обращения: 24.03.2017).

5. Кебуладзе В. Феноменология черного юмора // Докса. Логос і праксис сміху. 2004. Вип. 5. С. 71–79. URL: http://doxa.onu.edu.ua/doxa_5.htm (дата обращения: 24.03.2017).

6. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1999. Т. 1.

7. Шмелева Н. Л. Понятие «черный юмор» и его функционально-стилистические особенности // Альманах современной науки и образования. 2009. №8 (27). С. 210–212.

8. Gestia. В безвыходном положении... // Оракул: [сайт]. URL: <http://www.oracle-today.ru/articles/22232/> (дата обращения: 12.04.2016).

9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 ч. М., 1863. Ч. 1.

27

Об авторах

Геннадий Иванович Берестнев – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канга, Калининград.

E-mail: berest-gen@mail.ru

Анна Андреевна Цветкова – канд. филол. наук, препод., Калининградский государственный технический университет.

E-mail: anja.tsvetkova@inbox.ru

About the authors

Prof. Gennady Berestnev, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: berest-gen@mail.ru

Dr Anna Tsvetkova, associate professor, Kaliningrad State Technical University.

E-mail: anja.tsvetkova@inbox.ru

УДК 811.161.1:821.161.1

М. А. Дмитриовская

НИ ДАТЬ НИ ВЗЯТЬ: ОСНОВАНИЯ СИСТЕМЫ А. СКИДАНА

Александрю Скидану – в дар от автора

Рассматривается ряд стихотворений А. Скидана, входящих в сборник «Делириум» (1993). Доказывается тождество семантики дарения / получения дара и разделения, разъятия, что позволяет отнести концепт дарения к ядру понятийной системы поэта. Выделяется семантический инвариант и анализируются способы его инвариантного развертывания. Анализируется связь отмеченных концептов с категориями пространства и движения, жизни и смерти. Семантическая реконструкция осуществляется с привлечением игрового мультиязыкового анаграмматического кода, который используется Скиданом для развертывания текста из базисных семантических структур.